

2026_10_20_Диагноз безмерного: Почему саммит в Шэньжэне подводит черту под европейским проектом

GTP-Lab, 20 октября 2026 года, www.gtpglobals.com

I. Директорат великих держав и «проблема индейцев»

Мировая система вступила в полосу жесткой, необратимой бифуркации, в которой прежние иллюзии глобального управления, выстроенные вокруг вашингтонского центра в конце XX века, окончательно уступают место голому, непреклонному геополитическому реализму. Анонсированный на ноябрь 2026 года трехсторонний саммит в Шэньжэне с участием лидеров России, США и Китая может стать историческим рубежом, подрывающим фундаментальные основы однополярного мифа. Однако главный геополитический итог этой встречи заключается даже не в формировании новой архитектуры глобального стратегического баланса сил, а в том, **где, кем и на каких условиях** принимаются эти решения.

Судьба европейского континента решается в жестком треугольнике Москва — Вашингтон — Пекин. Сама Европа при этом вынесена за скобки переговорного процесса, превратившись из самостоятельного игрока в пассивный географический театр.

С точки зрения системного анализа, здесь мы наблюдаем классическую, хрестоматийную инверсию категорий **Субъекта и Объекта**. Еще три десятилетия назад объединенная Европа позиционировала себя как суверенный глобальный полюс силы, способный самостоятельно диктовать экономические, технологические, экологические и политические стандарты другим регионам планеты. Сегодня европейские наднациональные институты и национальные элиты низведены до состояния чистого объекта геополитического размена. В вашингтонских, пекинских и московских кабинетах с абсолютной ясностью понимают: институты Европейского Союза больше не обладают стратегической субъектностью. Они не вырабатывают самостоятельных долгосрочных решений — они лишь ретранслируют чужую волю, упаковывая её в бесконечные потоки тяжеловесных бюрократических циркуляров, директив и санкционных пакетов, которые бьют рикошетом по их собственному экономическому фундаменту.

Когда ведущие мировые державы садятся за стол переговоров в Шэньжэне, чтобы зафиксировать новые контуры глобальных сфер влияния, транспортных коридоров и зон безопасности, Брюсселю уготована незавидная участь территории, за которую ведется торг, но мнения которой никто даже не удостоивается спросить. Здесь в полной мере применима жесткая формула геополитического отчуждения: проблемы зависимых территорий шерифов мировой политики не волнуют. Внутренние кризисы, системная деиндустриализация, нарастающее социальное расслоение и политический распад европейских государств интересуют глобальных игроков исключительно постольку, поскольку они влияют на безопасность транзитных артерий, стабильность финансовых рынков и логистику военных поставок.

Европа выпала из высшей лиги мировой политики, безвозвратно потеряв суверенное право голоса в определении собственного завтрашнего дня. И чтобы понять, как некогда мощный, динамичный цивилизационный проект дошел до столь глубокого, системного и всеобъемлющего кризиса, необходимо обратиться к фундаментальной исторической ретроспективе — к тому переломному моменту, когда сам вектор цивилизационного движения Европы свернул в зону нарастающей энтропии.

II. Философский диагноз: Из «меры» в «безмерное»

Чтобы в полной мере осознать глубину и масштаб происходящей с Европой катастрофы, необходимо подняться над суетой текущей информационной повестки и взглянуть на историческую динамику сквозь призму фундаментальной философской категории **меры**. В диалектической логике любое качество объекта или системы существует строго в границах определенной, объективной меры. Как только система под воздействием внутренних или внешних деструктивных факторов покидает эти границы, разрушается её качественная определенность, и она неминуемо сваливается в хаос «безмерного» — в зону чистой, некомпенсированной энтропии.

Вспомним Европу конца 1970-х и 1980-х годов. То была эпоха жесточайшего, напряженного противостояния времен «холодной войны», когда Вашингтон давил на своих европейских союзников со всей силой имперского авторитета, пытаясь заблокировать масштабную «сделку века» — строительство стратегических нефте- и газопроводов из Советского Союза в страны Западной Европы. Тогда в европейских столицах еще сохранялись остатки подлинного государственного инстинкта, стратегического мышления и материального прагматизма. Правящие элиты отчетливо понимали простую физическую истину: современная промышленность не способна функционировать на политических лозунгах и абстрактных декларациях, ей необходимы физические объемы углеводородов, стабильное сырье и предсказуемая стоимость энергоносителей. Ради сохранения этой жизненно важной экономической связности европейские лидеры находили в себе мужество идти на открытые дипломатические демарши против заокеанского гегемона, выдерживали колоссальное санкционное и политическое давление. Порой за этот прагматизм платилась самая высокая цена — вплоть до острейших внутривнутриполитических кризисов и загадочных диверсий тех лет, когда разворачивалась борьба за континентальные энергетические коридоры. То был мир, где жесткий закон материального базиса все еще доминировал над сиюминутной идеологической истерией.

А теперь обратимся к зеркальному, чудовищному по своей сути фарсу современности. Прошло чуть больше четырех десятилетий, и вектор стратегического движения Европы развернулся ортогонально всякому элементарному здравому смыслу и инстинкту самосохранения.

Современная Европа в буквальном смысле слова аплодировала — или же хранила трусливое, гробовое молчание — перед лицом планомерного уничтожения собственной критической инфраструктуры. Речь идет о беспрецедентном подрыве трансконтинентальных газопроводов, которые предки нынешних еврократов отстаивали перед лицом американского прессинга с таким трудом. Континент добровольно, с маниакальным упорством набросил на собственную шею петлю дорогостоящих заокеанских ресурсов, запустив тем самым механизм тотальной деиндустриализации. Люди, заседающие в комфортабельных кабинетах Брюсселя, Берлина и Парижа, сегодня проводят политику, ведущую к гарантированному разрушению собственного автопрома, металлургических гигантов, химического комплекса и машиностроения. И делают они это искренне, с религиозным фанатизмом полагая, что экономический суицид во имя чужих геополитических интересов и абстрактных идеологических фантомов есть проявление высшей морали и цивилизационной зрелости.

Система сорвалась из устойчивой, исторически оправданной «меры» в абсолютную, разрушительную «безмерность». Когда подлинное ценностное ядро сложного общества замещается симулякрами, а реальный экономический базис приносится в жертву чужой заокеанской стратегии, цивилизация неизбежно теряет способность к адаптации и

выживанию. Европа безнадежно заблудилась в собственных идеологических лабиринтах, фундаментально перепутав созидание с разрушением, а сохранение жизни и суверенитета — с суицидальным конформизмом.

III. Топология распада: Непересекающиеся множества ЕС

Для того чтобы объективно, без пропагандистской шелухи и розовых очков брюссельской бюрократии оценить актуальное состояние Европейского Союза, необходимо отбросить декларативные лозунги и применить строгий аппарат математической топологии и теории множеств. Если определить универсальное множество U как географическое, экономическое и институциональное пространство современной Европы, то попытки еврократов представить его в виде монолитного, гомогенного субъекта разбиваются о суровую эмпирическую математику реальных национальных интересов.

Внутри пространства U выделяется семь ярко выраженных, автономных подмножеств (кластеров), элементы которых движутся по разнонаправленным, а в ключевых вопросах выживания — взаимоисключающим траекториям:

1. **Множество А (Северо-Восточный фланг / «Прифронтовая зона»):** Польша, страны Балтии, а также примкнувшая к ним Финляндия. Базовый интерес этого кластера — максимальная милитаризация восточного рубежа, экзистенциальный, бескомпромиссный антироссийский курс и удержание американского военного зонтика любой ценой. Ценностное ядро данного множества строится на геополитическом реваншизме через слепой атлантизм, при этом экономические проблемы старой Европы их волнуют в минимальной степени.
2. **Множество В (Старое ядро / «Франко-германский мотор»):** Германия, Франция, страны Бенелюкса. Их исторический интерес — удержание остатков некогда мощной промышленной конкурентоспособности и сохранение бюрократического контроля наднациональных институтов ЕС. Однако сегодня это ядро разъедено внутренними противоречиями: Берлин и Париж больше не способны вырабатывать общую стратегию, задыхаясь от деиндустриализации и перманентных правительственных кризисов. Их ценностное ядро — наднациональный либеральный догматизм, который трещит по всем швам под тяжестью накопившихся неразрешимых системных кризисов.
3. **Множество С (Прагматично-суверенный периметр):** Венгрия, Словакия. Интерес этого сегмента кристально прагматичен — отстаивание национальных предпочтений, сохранение выгодных долгосрочных закупок энергоресурсов и жесткий отказ от слепого подчинения директивам из Брюсселя. Ценностное ядро — защита национального суверенитета перед лицом брюссельского диктата.
4. **Множество D (Внеблоковый и полупериферийный контур):** Сюда относится Великобритания (находящаяся вне институционального поля ЕС, но плотно завязанная на общеевропейский театр военных и разведывательных действий), а также Турция, ведущая сложную игру на стыке цивилизаций. Эти игроки используют институциональную слабость Брюсселя исключительно в собственных узконациональных интересах, рассматривая Европу как рынок или плацдарм.
5. **Множество Е (Северная Европа / Скандинавский блок):** Швеция, Дания, Норвегия. Исторически этот кластер опирался на уникальную модель внутренней социальной устойчивости, экологического доминирования и технологического развития. Сегодня эта модель надломлена безвозвратной потерей дешевых ресурсов и насильственным втягиванием северных экономик в единый милитаристский контур НАТО, что вызывает глухое социальное раздражение в местных обществах.

6. **Множество F (Южная Европа / Средиземноморский пояс):** Италия, Испания, Португалия, Греция. Фокус внимания этого пояса сосредоточен на долговой стабильности, туристическом секторе, морской логистике и колоссальном миграционном давлении с юга, которое северные члены ЕС цинично перекладывают на их плечи. Противоречия между Севером (кредиторами) и Югом (должниками) носят хронический, неразрешимый характер.
7. **Множество G (Юго-Восточная Европа / Балканский узел):** Сербия, Черногория, Босния и Герцеговина, а также пограничные Румыния и Болгария. Зона перманентного напряжения, где идет непрерывный поиск хрупкого баланса между призрачными евродотациями и сохранением историко-культурной идентичности на фоне глубокого цивилизационного скептицизма к обещаниям Брюсселя.

Если мы попытаемся математически вычислить результирующее пересечение всех этих семи множеств ($A \cap B \cap C \cap D \cap E \cap F \cap G$), то обнаружим железобетонный научный факт: **общая зона смыслового, ценностного и стратегического пересечения стремится к пустому множеству ($\emptyset$).**

Единого, монолитного субъекта под названием «Европейский Союз» в объективной реальности больше не существует. Перед нами сложный, асимметричный конгломерат разнонаправленных осколков, который удерживается вместе исключительно инерцией колоссального бюрократического аппарата, финансовыми подпорками ЕЦБ и внешним силовым каркасом Вашингтона. Как только этот внешний каркас дрогнет под ударами глобального исторического передела, каждый из этих семи сегментов неизбежно побежит спасаться самостоятельно, превращая европейское пространство в арену жесткого междоусобного торга.

IV. Четыре всадника европейского апокалипсиса: Системные факторы деструкции

Топологический распад Европейского Союза на непересекающиеся множества, где вектор каждого кластера устремлен в противоположную от общего центра сторону, не является продуктом случайных политических ошибок или сиюминутных конъюнктурных сбоев. Этот распад обусловлен четырьмя фундаментальными, объективно действующими факторами системной деструкции. Каждый из них работает как мощный мультипликатор энтропии, неумолимо разрушая несущие конструкции некогда процветающей наднациональной империи.

1. Энергетическая удавка и тотальная деиндустриализация

Первый и главный фактор носит базисный, материально-производственный характер. Безвозвратная утрата доступа к дешевым российским энергоносителям подорвала самый прочный, фундаментальный устой европейского экономического чуда — тяжелую промышленность Германии, стран Бенилюкса и севера континента. Химический гигант BASF, металлургические комбинаты Ренской области, машиностроительные и автомобильные концерны Европы, лишённые конкурентоспособной сырьевой и энергетической базы, столкнулись с кратным, лавинообразным ростом издержек производства.

Поспешный, истеричный переход на дорогостоящий американский сжиженный природный газ (СПГ) в сочетании с догматичными, разорительными «зелеными» дотациями спровоцировал беспрецедентное в истории бегство капитала, технологий и реальных производств в юрисдикции Соединенных Штатов и стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Тот индустриальный цемент, который на протяжении десятилетий надежно скреплял европейскую периферию вокруг франко-германского

экономического ядра, растворился окончательно. Промышленность Европы стремительно деградирует, превращаясь в тень собственного величия.

2. Долговая ловушка и истощение бюджетных трансфертов

Второй фактор имеет финансово-экономическую природу. Колоссальное, неподъемное долговое бремя стран Южной Европы — Италии, Испании, Греции — на фоне неизбежного сворачивания постпандемических программ стимулирования и жестких бюджетных требований наднациональных регуляторов вошло в фазу острого структурного конфликта. Старое ядро ЕС больше не обладает избыточными финансовыми ресурсами для того, чтобы бесконечно выступать в роли щедрого донора и спасителя южной периферии.

В условиях нарастающего дефицита внутренних средств в Брюсселе и Берлине включается безжалостный закон конкуренции за выживание: каждый национальный бюджет начинает работать исключительно на самосохранение, сворачивая программы солидарности и оставляя соседей один на один с их долговыми пропастями. Финансовая солидарность ЕС оказалась мифом, который растворился при столкновении с реальным дефицитом ликвидности.

3. Миграционный тупик и неизбежный крах Шенгена

Третий фактор носит социально-демографический характер. Перманентный, неконтролируемый приток миграционных потоков из зон перманентных геополитических конфликтов Ближнего Востока и Африки на фоне нарастающего дефицита качественных рабочих мест и деградации социальных служб привел европейское общество к глубокому системному тупику. Модель мультикультурализма потерпела сокрушительный крах, породив анклавную преступность, рост внутреннего напряжения и разрушение традиционной культурной ткани европейских городов.

Естественной защитной реакцией национальных государств стало де-факто разрушение главного символа и достижения европейской интеграции — Шенгенской зоны.

Правительства Германии, Франции, Австрии, Польши и других стран регулярно и демонстративно восстанавливают жесткий внутренний пограничный контроль, вводят полицейские кордоны и досмотры на сухопутных границах. Единое пространство свободы передвижения превратилось в лоскутное одеяло из национальных барьеров, подтверждая, что в моменты кризиса государства-нации возвращают себе суверенные полномочия по защите границ.

4. Внешнее военно-политическое подчинение и утрата суверенитета

Четвертый фактор носит геополитический характер. Полная, добровольная утрата стратегической автономии и жесткое подчинение военной машины ЕС интересам Вашингтона через экспансию и милитаризацию структур НАТО завершили процесс превращения Европы из самостоятельного субъекта в безмолвный театр военных действий и логистический плацдарм чужих заокеанских стратегий. Брюссельская номенклатура отказалась от концепции европейской безопасности, обменяв её на статус послушного сателлита в глобальном противостоянии. Это лишило континент не только дипломатической гибкости, но и элементарной безопасности, сделав заложником чужих геополитических авантур.

V. Электоральный триггер: Венгрия, АГ и неизбежный правый поворот

Описанные глубокие системные разломы и материальные деформации неизбежно находят свое отражение на политической поверхности европейского континента.

Приближающийся очередной электоральный цикл в ключевых странах Европейского Союза становится тем самым мощным детонатором, который переводит скрытый, тлеющий распад наднационального союза в открытую, неуправляемую фазу.

Брюссельская номенклатура и традиционные политические элиты прекрасно осознают нависшую над ними экзистенциальную угрозу, однако оказываются абсолютно бессильны перед лицом объективных, неотвратимых исторических процессов.

Ярчайшим симптомом институционального шпагата и поиска новых, прагматичных форм выживания на периферии ЕС стал текущий политический ландшафт Венгрии. С приходом к власти сил во главе с Петером Мадьяром традиционный образ восточноевропейского «бунтаря» претерпел определенную эволюцию, однако стратегическая суть осталась неизменной. Будапешт объективно вынужден лавировать между жесткой необходимостью добиваться разморозки замороженных Брюсселем европейских фондов и непреложными требованиями реального энергетического базиса страны. Попытка Мадьяра изобразить сложный политический шпагат — продемонстрировать Брюсселю формальную лояльность и готовность к диалогу при одновременном сохранении прагматичных каналов взаимодействия с восточным вектором — наглядно обнажает глубочайшую институциональную слабость самого Евросоюза. Сегодняшний Брюссель уже физически не в состоянии устраивать непокорным национальным режимам показательные карательные порки, как это практиковалось еще десятилетие назад. Руководство ЕС вынуждено закрывать глаза на прагматический маневр Будапешта, отчаянно опасаясь запустить цепную реакцию неуправляемого распада.

Но главный, тектонический удар по всей европейской политической матрице наносится в её экономическом и управленческом сердце — в Германии. Феноменальный, системный рост электоральной популярности «Альтернативы для Германии» (АдГ) на фоне глубокого, системного кризиса традиционных партийных столпов немецкой политики (блока ХДС/ХСС и СДПГ) означает окончательный слом многолетнего «санитарного кордона», выстроенного старыми элитами. Немецкий избиратель, столкнувшийся лицом к лицу с деиндустриализацией, инфляционным шоком, разрушением социальной модели и последствиями разрыва хозяйственных связей, больше не верит мантрам глобалистов о «европейской солидарности». Стремительный прорыв АдГ и неизбежная политическая трансформация в Берлине наотмашь лишают евробюрократию её финансового, налогового и управленческого фундамента.

Исторический маятник в Европе неумолимо качнулся вправо. Когда материальный базис трещит по швам, а государство больше не способно гарантировать базовую безопасность и благосостояние, социальный организм инстинктивно требует возврата к национальному суверенитету, жесткому порядку и прагматическому расчету. Попытки брюссельских элит удержать расползающуюся систему административными запретами, цензурой и угрозами судебного преследования оппозиции напоминают попытку остановить разрушительный шторм обычной шваброй. Правый поворот в ключевых государствах Европы носит исторически неизбежный характер, и этот объективный процесс окончательно разорвет наднациональную паутину на суверенные национальные кварталы.

VI. Заключение. Эпилог для объединенной Европы

Исторический приговор европейскому геополитическому проекту вынесен вовсе не идеологами или политологами — его вынесла сама железобетонная диалектика материального развития. Попытка построить грандиозную наднациональную бюрократическую империю в полном отрыве от реального энергетического базиса, на фундаменте чужих геополитических интересов, иллюзорных ценностей и навязанных симулякров, закономерно завершилась лавинообразным ростом системной энтропии.

Анонсированный трехсторонний саммит в Шэньжэне станет лишь внешней, формальной точкой фиксации этого всеобъемлющего краха — тем историческим моментом, когда

глобальные игроки открыто оформят новые контуры планетарных сфер влияния, не оставляя брюссельской номенклатуре даже иллюзии собственной субъектности. Внутри же самого Европейского Союза процессы распада достигли абсолютной точки невозврата. Математически доказанное стремление интересов европейских кластеров к пустому множеству, разрушение промышленного скелета, долговые удавки периферийных экономик, перманентный крах Шенгенского пространства и неизбежный правый электоральный поворот (символами которого стали и прагматичный маневр в Венгрии, и тектонический сдвиг в политическом поле Германии) окончательно хоронят утопическую концепцию «единой Европы».

Проект объединенного континента завершается ровно тем, с чего исторически начинался — неизбежным распадом на суверенные национальные квартиры, каждая из которых будет вынуждена выживать в одиночку в жестких условиях наступающего многополярного мира. Иллюзия бесконечного благополучия, купленного за счет дешевых ресурсов и чужих рынков, рассеялась окончательно. Наступает суровая эпоха бескомпромиссного геополитического реализма, в которой Брюсселю уготовано скромное место тихой, никому не нужной архивной заводи на задворках большой истории.

Канд. ист. наук С.В. Грисюк